

ДУРАЧЕКЪ .

Долгая зима подходит къ концу, день выравнивается съ ночью, на сорокъ мучениковъ девятого марта, вездѣ мѣсятъ тѣсто и пекутъ изъ него жаворонковъ.

— Жаворонки, прилетите, красно лѣто принесите! на распѣвъ кричатъ ребяташки, хлопая въ ладоши и прыгая кучками по небольшимъ проталинкамъ, которыя изъ-подъ снѣга, какъ черныя пятна, выказывались тамъ и сямъ по улицѣ.

— Петька, а тебѣ мамка не дастъ жаворонка! кричитъ задира Пронька.

— Ка-а-акъ же не дастъ? отвѣчаетъ съ угрозою Петька, — небо-ось дастъ!

— Анъ нѣтъ, не дастъ! у васъ и муки-то нѣтъ! Слова эти смутили Петьку.

— Врешь, есть! отвѣчалъ онъ нѣсколько струсивши и, постоявъ немного, бросился со всѣхъ ногъ въ ближайшую избу. Перевалясь черезъ порогъ, мальчикъ съ ревомъ сталъ допрашивать мать объ мукѣ и о жаворонкахъ.

— Вѣстимо, что нѣту! гдѣ на васъ напастись пшеничной муки? отвѣчала мать со сдержаннымъ смѣхомъ.

Огорченный Петька съ ревомъ грянулся о земь.

— Ну, что дразнишь ребенка! отозвалась съ печи старуха бабушка. — Внукъ, а внукъ, подь ко мнѣ! вишь мать смѣется! Чего орешь, дуракъ, подь сюда, — я те что-то скажу!

Хныкая, полѣзъ Петька къ баловницѣ бабушкѣ; въ пол-уха выслушалъ, что сегодня де день сорока мучениковъ, что сегодня изъ-за моря пробираются къ намъ сорокъ разныхъ пичугъ, и что уже жаворонки прилетѣли первые. Когда же дѣло дошло до того, что вотъ-де мать тихонько отъ ребятъ намѣсила тѣста, надѣлала птахъ, и посадила ихъ въ печь, тогда внукъ чуть не кувыркомъ полетѣлъ съ печи, повисъ на сарафанѣ у матери, и не отставалъ отъ нея, пока не положили ему на ладони большую фигурную лепешку съ кочечкой, вмѣсто головы, и съ черненькими

угольками, вмѣсто глазъ. Петька радостно взвизгнуль и бросился къ двери.

— Не ходи, сынокъ, не ходи, родимый, не кажи ребятамъ! уговаривали его мать да бабушка, — озорники тѣ отнимуть у тебя!

Боялся Петька ребятъ, но желаніе подразнить Проньку взяло верхъ. Вышедъ изъ избы, Петька сталъ издали казать жаворонка приговаривая: — А что взялъ? что взялъ? у меня есть, а у тебя нѣтъ!

Но Пронька съ ребятами занялся другимъ: они усыкали и травили деревенскаго дурачка Нафанку, который въ страхъ метался, не зная куда укрыться отъ такой напасти; ребята съ жучками, шавками и буянками со всѣхъ сторонъ переняли ему дорогу и швыряли въ него грязью, снѣгомъ, щепками и всѣмъ, что попадалось имъ подъ руку.

— Взы! взы его! жучка взы! кричалъ Пронька, въ неистовой отвагѣ бросаясь на растерявшагося забитаго сироту.

— А вотъ я тебя! раздался строгій старушечій голосъ, и здоровая, гибкая розга засвистѣла надъ Пронькой.

Крикъ, лай стихли, шалуны ударились вразсыпную, собаки, поджавъ хвосты, попрятались по дворамъ. Бабушка Фима шутить не любила, она больно была обидчиковъ; даже отцы и матери съ нею рѣдко спорили, — они уважали старушку за ея набожность, за готовность помогать каждому и дѣломъ и словомъ; тѣмъ же, которые вступались за шалуновъ своихъ, старуха строго выговаривала, особливо баловницѣ Матренѣ.

— Ты учи дѣтей, пока поперекъ лавочки ложатся, а какъ во всю вытянутся, тогда не научишь, выростуть сорванцами, такъ, знаешь кому въ утѣху будутъ? Они тогда не то что бѣднаго сироту забьютъ, а и на отца съ матерью руки поднимутъ, вотъ что! Богъ велитъ держать дѣтей въ страхъ Божьемъ, — а какой онъ страхъ—отъ Божій бываетъ? спрашивала старушка зорко глядя въ глаза потатчикамъ: — не задирай, не обижай никого, почитай отца съ матерью, слушайся отца духовнаго, не лги, чужаго не бери, а то Богъ тебя накажетъ! Вотъ—те и страхъ Божій, Матренушка! приучай къ нему ребенка съизмала, — выростеть — спасибо скажетъ!

Матрена, первая баловница на селѣ, замолчала, слушая добрую, умную рѣчь старухи, а подъ конецъ зимы, и сама начала пострачивать своихъ озорниковъ бабушкой Фимой.

Возвратясь съ богомолья въ село свое «Студеные ключи,» бабушка Фима стала оглядываться, чѣмъ—бы ей заняться на пользу ближняго:

— Вотъ, думала она, — была бы я грамотная, стала бы Божественныя книги читать да бабамъ пересказывать, какъ Онъ, батюшка нашъ Иисусъ Христосъ, ради насъ грѣшныхъ на землю приходиль, да что труда да муки приняль! Стала бы ребятъ грамотѣ учить... пошла бы въ лекарки, да ни знанья, ни вѣданья у меня нѣту! рѣдичнымъ-то сокомъ, аль перцовкой натереться? — Это всякъ и безъ меня натрется! Э-э-хе-хе! грустно покачивая головой, заканчивала старуха: — и рада бы въ рай да грѣхи не пускають!

Богомолка Фима, какъ и большая часть людей, считала дѣломъ только дѣло крупное, видное; его желала она, къ нему стремилась, а то, что незамѣтно росло и спѣло въ ней, того она не видала. Старуха не замѣчала, что съ тѣхъ поръ, какъ стала строго наблюдать за собой и, ради дружбы и родства, перестала кривить душою, а говорила каждому свою тихую короткую правду, что съ тѣхъ поръ, люди стали внимательнѣе слушать ее, многіе даже приходили къ ней за совѣтами; что помогая

больной дьячихъ опрядать и обшивать дѣтей ея, она по вечерамъ слушала чтеніе дьякона, и что не однѣ мысли, но и самыя выраженія западали въ душу ея и хоронились въ свѣтлой памяти; всего этого богомолка не замѣчала, но прозорливая старица Серафима сказала бы: «Сѣмя сѣется, и садъ Божій насаждается!» Такъ, изо дня въ день, пѣняя на себя за малую пользу, старушка прожила зиму.

Пришло тепло, снѣгъ сталъ таять; вода стоитъ лужами, а съ горъ бѣжить ключами. — 17-го марта, на Алексѣя человека Божьяго, завсегда съ горъ вода бѣжить, говоритъ народъ, поглядывая на обнаженную гору и на мутные потоки, которые катятся съ нея въ рѣку; проруби грязны, вода мутна, а бабы, по примѣтамъ своимъ, именно на Дарью-то грязныя проруби, — 19-марта несутъ бѣлить холсты и стелятъ ихъ рядами другъ подлѣ дружки. — Благовѣщенскій дождь смылъ послѣдній снѣгъ. — Быть урожаю на матушку рожь! выходя изъ церкви говорятъ, крестясь, старики, а старухи

бережно несутъ просфирки, чтобы положить ихъ въ сусѣкъ, по народному повѣрью: та закрома отъ хлѣба не пустѣеть, въ которой лежитъ благовѣщенская просфора.

— Тетушка Афимья, — Нафанка у тебя что-ли? спросила Матрена, столкнувшись съ богомолкой на паперти, — ребята баютъ, онъ къ тебѣ пришатнулся?

Старушка, помолчавъ немного, сказала:

— Дивлюсь я, молодка, вотъ чему: какъ онъ по сю пору отъ насъ вовсе не отшатнулся и не сгинулъ, какъ сгинула мать его покойница, Оксанушка! Озорники-то ваши рады со свѣту согнать, вѣдь чѣмъ не попало: камень — такъ камнемъ швырнуть, палка, — такъ палкой его; собакъ же со всего села такъ науськали, что малому ни днемъ, ни ночью глазъ показать нельзя, а пить-ѣсть надо; — онъ мірскимъ подаяньемъ питается! Ты изъ окна сиротѣ крестясь ломотокъ подаешь, а сынокъ-отъ твой камень сгребъ, да и наровить въ него! и не онъ одинъ, а почитай что и всѣ таковы!

Сказавъ это, старуха повернула къ себѣ за уголь.

Любопытная Матрена, однако, не отстала отъ нея.

— Ты юродивенькаго-то, значить, на-все взяла? спросила она, догоняя богомолку.

— Вѣстимо на-все, коли не уйдетъ. Третьево-дни мы съ кумой Василисой истопили баню, да и вымыли малаго. Ужь мы скребли, скребли его, волоса до-гола выстригли, а тряпье его сожгли; никакъ онъ, горемычный, отъ роду родясь въ баню не хаживаль!

— Что же радъ? съ участіемъ спросила Матрена.

— Кто жъ его знаетъ! сказала бабушка Фима, — онъ цѣлыя сутки спаль безъ просыпу; вечеръ проснулся, поѣль, и опять уснулъ; я и къ обѣднѣ ушла, — а онъ все еще спаль.

Нафанка не былъ прирожденнымъ, круглымъ дурачкомъ, но онъ, по виду, ничемъ не отличался отъ такихъ несчастныхъ: боялся людей и бѣгалъ отъ

нихъ, какъ одичавшая скотинка. Если же голодь выгонялъ его за милостыней—то онъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, прокрадывался по плетнямъ и, озираясь на всѣ стороны, плаксиво, на—распѣвъ, пищаль: «Христа ради!» и, схвативъ поданную изъ окна краюшку, бѣжалъ съ нею въ развалившуюся родительскую избу, и тамъ, въ знакомыхъ гнилыхъ стѣнахъ, зарывшись въ кучу старой соломы, съѣдалъ хлѣбъ, точь въ точь, какъ поѣдаетъ его собака въ канурѣ своей.

Отецъ Нафанки былъ солдатъ; отслужи на югѣ срокъ свой, и получа отставку, онъ вдругъ такъ сильно сталъ грустить по своей сторонѣ, что не смотря на слезы жены и просьбы ея родни, продалъ небольшіе пожитки свои, взялъ жену, годовалаго ребенка, и пошелъ изъ теплой, богатой Малороссіи на суровую родину.

Пришедъ въ Студеные ключи, солдатъ Илья не засталъ никого изъ близкихъ: отецъ съ матерью и старшій братъ померли, невѣстка съ больной дочерью ушли на богомолье и назадъ не возвращались,

племянникъ нанялся въ рекруты. Однимъ словомъ, Илья не нашель того, чего искаль; поселясь въ опустѣлой, развалившейся братниной избѣ, онъ принялся за кое-какое дѣло, но слезы и тоскливыя пѣсни Оксаны не давали ему покою.

Долго крѣпился Илья, наконецъ пообѣщаль женѣ первой весной уйти обратно; обѣщаль, но не исполниль, потому что зимою тяжело занемогъ и померъ. Оксана также заболѣла, у нея еще родился ребенокъ который скоро померъ; она же выздоровѣвъ, встала, ревностно принялась за дѣло, — но въ деревнѣ заговорили, что съ Оксанушкой что-то неладно видно попритчилось, словно она рехнулась, говорить не говорить, да будто и дѣла не смыслить! Все это была правда: вслѣдствіе болѣзни, бѣдная Оксана помѣшалась, потеряла память и большую часть сознанія; она понимала и знала только то, что попадалось ей на глаза, стряпала и работала какъ здоровая, заботилась и кормила сына, пока былъ на глазахъ, заглазно же

забывала все, не исключая и своей стороны и отца съ матерью.

Бѣдный мальчикъ росъ у помѣшанной матери — одиноко и безъ призора; разговоры ихъ были очень кратки и не разнообразны; поэтому, Нафанка почти не понималъ скорой рѣчи бабъ, которыя изрѣдка забѣгали къ нимъ въ избу. Сверстниковъ же своихъ, деревенскихъ мальчишекъ, онъ такъ боялся, что какъ только, бывало, заслышитъ ихъ на улицѣ, то со всѣхъ ногъ бросался прятаться въ избу, а за нимъ слѣдомъ раздавались слова: — Дуракъ, дурачекъ! выглянь въ окошко, дамъ те лепешку!

Всѣ въ деревнѣ рѣшили, что Нафанка дурачекъ такой же, какъ и мать его; такъ быть можетъ, и пошелъ бы онъ на всю жизнь, — но случилось иначе. Разъ нынѣшней зимой, Нафанка проснулся; матери въ избѣ уже не было. Прошелъ день, настала ночь, а ее все нѣтъ! Поужинавъ, мальчикъ забрался на печь, и уснулъ; на другой и на третій день мать не приходила. Тогда въ тоскѣ, забывъ страхъ,

Нафанка съ ревомъ побѣжалъ по улицѣ, крича:

— Мама! мама! Насилу отъ него добились бабы что: — Мамы нѣту—ти, — и нѣту мамы сегодня, — и вчера нѣту!

Бабы зашумѣли, засуетились; собрались и мужики. Потолковавъ межъ собой, всѣ гурьбой пошли въ сиротскую избу; звали Оксану, но она не откликалась; обшарили всѣ углы, — а ее не нашли; народъ порѣшилъ, что она либо въ полыньѣ утонула, либо гдѣ нибудь замерзла.

Никому и въ голову не пришло, что помѣшанная Оксана неожиданно, вспомня о родинѣ своей, быстро собралась въ путь, и ушла, позабывъ на печи спящаго сына. Міръ присудилъ Нафанку съ пожитками отдать одному изъ двоюродныхъ дядей его. Дядя взялъ сундукъ, а мальчику велѣлъ идти за собой; плача на все село, брель за нимъ Нафанка. Какова жизнь ожидала его? — это доказали послѣдствія. Чуть только стало теплѣть, мальчикъ ушелъ отъ дяди и отъ злой тетки въ свою пустую избу, и сталъ питаться мірскимъ подаяніемъ.

Нѣтъ праздника веселѣе и радостнѣе Пасхи; ей радуются и дѣти, и взрослые, и богатые, и бѣдные, всѣ тѣснѣе сходятся, зовутъ другъ друга въ гости, угощаются, обдариваютъ дѣтей, дарятъ и помогаютъ тѣмъ, кто бѣденъ.

Большею частью, Пасха бываетъ весной, когда снѣгъ уже сошелъ, рѣки прошли, и мелкая травка начинаетъ зеленѣть, птички щебечуть, на дворѣ свѣтло, тепло, а воздухомъ не надышешься, такъ и не шель бы со двора!

Въ Студеныхъ ключахъ, разговѣвшись, весь народъ высыпалъ на улицу; нарядныя дѣвки, пощелкивая орѣхи, вереницами ходятъ по улицамъ; парни, въ красныхъ кумачныхъ и ситцевыхъ рубахахъ, играютъ въ бабки, въ свайку, качаютъ дѣвушекъ на качеляхъ, прыгаютъ на доскахъ, борются, схватятся другъ съ другомъ; — мѣрятся силами — любимая игра молодежи. Мужики и бабы разсѣлись по заваленкамъ. Ребятишки выбрали самое сухое мѣстечко, на бугоркѣ, подлѣ богомолкиной избы, устроили изъ лубка катокъ, поставили въ

конь десятка три яицъ, и принялись ихъ катать; а праздничные колокола такъ и гудятъ на все село!

Нафанка украдкой смотритъ въ поднятое оконце; ему любо глядѣть, — ребята его не видятъ и не обидятъ! Нафанка сытъ, на немъ новая рубашка, его никто не бьетъ и не травитъ. Весело мальчику; на колокольнѣ громко звонятъ колокола, а передъ глазами его, на зеленой травкѣ стоитъ длинный конь красныхъ яицъ. Глядитъ Нафанка, и не наглядится на нихъ; но вотъ онъ сталъ замѣчать, что яички всѣ ярки, да не всѣ одинаковы. Внизъ по лубочку покатилося яичко красненькое какъ уголекъ, — набѣжало, щелкнулось и закружилось съ другимъ яичкомъ, но съ какимъ? Нафанка не знаетъ, однако смѣкаетъ, что цвѣта у нихъ не одинаковы.

— Здравствуй! вошедъ въ избу, сказала кума Василиса, толкая заглядѣвшагося мальчика. — Здравствуй, паренекъ, Христось воскресъ!

— А! вздрогнувъ отвѣчалъ онъ.

— А! передразнивала его баба, — я те: Христось воскресе! а ты — а! Нешто эдакъ христосуются? а ты, вотъ какъ говори: — Воистинну, моль, воскресе!

— Воистинну, моль, воскресе! протяжно отвѣчалъ мальчикъ, бродя глазами со старухи на потолокъ, съ потолка на стѣны, и опять на старуху.

— Наткось яичекъ, — вишь какія желтыя, словно желточекъ!

Нафанка громко захохоталъ и повторилъ: — жел-тень-кiя! потомъ протянулъ еще разъ, и опять засмѣялся.

— Вишь какъ радуется, юродивенькой! пра юродивенькой! жалостливо глядя на мальчика и покачивая головой, шептала про себя Василиса.

Но мальчикъ не столько обрадовался яйцамъ, сколько незнакомому цвѣту и названiю. Всякое новое слово, Нафанка затверживалъ, повторяя его разъ по десяти; иногда забывалъ и, стараясь вспомнить, долго думалъ; и когда слово взбрело ему на умъ, то, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ, съ радости вдругъ раздражался

громкимъ хохотомъ. Поселясь съ разумнымъ, добрымъ человекомъ, одиннадцати лѣтъ Нафанка сталъ учиться тому, что уже знаютъ дѣти перваго возраста. Живя съ помѣшанной матерью, онъ даже не научился говорить и на все смотрѣлъ поверхностно, мелькомъ, почти не различая одно животное отъ другаго; даже ребятишки ему казались всѣ на одно лицо. Теперь же мальчикъ сталъ прислушиваться, вдумываться, различать животныхъ по виду и по привычкамъ ихъ; своего пѣтуха узнавалъ по голосу, далеко слышалъ кудахтанье забіяки рябой курочки, понималъ кота Ваську, его мурлыканье; мычанье же коровы приводило мальчика въ настоящее безпокойство, и онъ, чтобы успокоить корову, метался то за водой, то за корочкой хлѣба. Когда же Пестравушка, въ свою очередь полюбившая Нафанку, начинала его лизать во всю длину коровьяго шершаваго языка, тогда мальчишка принимался такъ хохотать, что сосѣднія собаки завывали, а ребятишки карабкались на плетень, чтобы посмотреть

на дурачка, который, съ тѣхъ поръ, какъ поселился у богомолки, сталъ для нихъ чистой невидалью. Прошла недѣля Пасхи, мужики принялись за бороны и сохи, всѣ спѣшать начать ранній посѣвъ съ Егорія (23 апрѣля). Въ этотъ же день, на Георгія храбраго, отслужи молебень, погонять въ первый разъ скотинку въ поле; каждая хозяйка пригонитъ въ сборъ коровъ, похлестывая ихъ пѣтой вербой и набожно приговаривая: — Вотъ тебѣ, Георгій храбрый, моя коровушка, — сбереги и защити ее отъ дикаго звѣря!

Въ народѣ ходитъ повѣрье, что вся домашняя скотина и всѣ звѣри полевые и лѣсные отданы во власть Егорью храброму и, что въ тотъ день, когда люди празднуютъ память его, онъ сидя на бѣломъ конѣ, развѣзжаетъ по лѣсамъ, полямъ и доламъ и даетъ запретъ звѣрямъ не трогать табуновъ. Поэтому—то 23-го апрѣля, во всей Россіи служатъ молебны и выгоняютъ впервые скоть на пастбище. И въ Студеныхъ ключахъ тощѣ табуны крупнаго и мелкаго скота согнаны вокругъ церкви. Послѣ молебна, священникъ благословилъ пастуховъ на ихъ лѣтній трудъ, на вѣрную пастьбу, окропилъ Святой водою безцѣнное имущество крестьянъ, коровушекъ кормилицъ и теплое угрево, овечекъ, которыя съ ногъ до головы одѣваютъ крестьянина: изъ ихъ шерсти носятъ чулки и варешки (перчатки), ткуть смуровые кафтаны, шьютъ полушубки и теплыя шапки.

Чуть только послышались веселые звуки пастушьяго рожка, какъ раздалось громкое общее мычанье и блеянье; стада, опережая

пастуховъ, бросились по знакомой дорогѣ въ поле; прыгая и бодаясь во всѣ стороны, бѣжали коровы, за ними, какъ мутныя волны, напирали другъ на друга курчавыя овцы.

— Экъ въ какую отару заѣхали! ворчали купцы съ краснымъ товаромъ, заѣхавшіе въ самую середину табуна, — пылищу—то какую подняли, — словно вихремъ нанесло!

Но пыль скоро осѣлась и повозка съ красными оглоблями и рѣзной раскрашенной дугой въѣхала въ деревню; бабы и ребята окружили разнощиковъ, началась продажа и купля: торговцы кажутъ товаръ лицомъ; ситцы и платки, одинъ другаго пестрѣе, переходятъ изъ рукъ въ руки.

— Что, молодка, пригорюнилась? спросилъ молодую бабу краснобай—купецъ, — аль хозяйина въ рекруты проводила?

— Я вчера сыночка схоронила, отвѣчала она тихо.

— Что дѣлать? на то воля Божья! ангельская душа прямо къ Богу идетъ! А

вотъ, прибавилъ купецъ, какъ бы въ утѣху тоскующей матери, нынѣшнюю зиму горячка повыморила въ Каменкѣ, — такъ ужъ повыморила! больно прорѣдила народъ! а въ Новой ихъ выселкѣ, что на бору, сказываютъ, будто, поголовно перехоронили всѣхъ: — изъ тридцати-то душъ на врьдъ-ли осталось съ пятокъ! Намъ довелось проѣзжать ихъ Выселки, такъ вотъ какъ гнали лошадь-то! Сказываютъ и остальные съ голоду помираютъ, — некому по воду сходить, некому и хлѣба испечь!

— Такъ чего же ты лошадь-то гнать? строго спросила богомолка, — аль у тебя руки отвалилися бы, кабы подаль голодному кусокъ хлѣба? сказала она, указывая на большой пшеничный хлѣбъ, лежавшій у разнощика спереди въ повозкѣ.

— Чего гнать? въ раздумьи сказалъ разнощикъ, — кто его знаетъ, чего? Какъ въѣхали мы въ Выселки — да глянули на заколоченныя избы, такъ страхъ такой пронялъ, что мы, крестясь, безъ оглядки погнали впередъ; а за нами, не знаю —

человѣкъ застоналъ, не знаю — собака завыла!

— Можетъ сердечный испить просиль! со вздохомъ сказала бабушка Фима. — А что, спросила она купца, — изъ Каменки ходятъ ихъ провѣдать?

— Куда тебѣ провѣдать? чай своя рубашка къ тѣлу ближе! — Ну извѣстно дѣло, тамъ по начальству велѣно! — наѣзжаютъ хоронить. Сказывали, лекарка изъ Каменки пол-зимы прожила — да еле-еле назадъ вернулась.

— Видно Боровскимъ ужь такъ Богъ судиль! промолвилъ купецъ.

— Нѣту, молодець, съ голоду, да съ жажды безъ Его Божескаго насланія Онъ никому помирать не судиль! — такую душу Господь съ насъ спросить! Сказавъ это, богомолка задумчиво пошла къ своей избѣ.

Ей запало желаніе провѣдать Боровскія выселки, и коли найдется тамъ живой человѣкъ, то походить за нимъ; дорогу туда она знала, потому что прошлымъ лѣтомъ, для сокращенья пути, шла съ товарками на

богомолье тѣмъ самымъ боромъ. Пришедъ на свой дворъ, старуха окликнула Нафанку.

— А! отозвался онъ, выглядывая изъ коровника.

— Вотъ что, внучекъ: сказываютъ, что въ Выселкахъ народъ болѣетъ, да голодаетъ; надо хлѣбца отнестъ туда, — ладно, что ли? спросила старуха, глядя мальчика по головѣ.

— Ладно, отвѣчалъ тотъ; потомъ, подумавъ немного, сказалъ: — Давай, отнесу.

— А вотъ завтра, сказала бабушка, — завтра вмѣстѣ пойдемъ и Пестравушку погонимъ съ собой, — пусть и она покормитъ бѣднягъ!

Мысль кормить голодныхъ и вести за тѣмъ же его любимицу, такъ понравилась Нафанкѣ, что онъ присѣлъ отъ хохота; сосѣдніе же ребяташки торопливо полѣзли на плетень посмотрѣть на дурачка, но, замѣтя бабушку Фиму, по обычаю своему, юркнули назадъ.

Только что восходитъ красное солнышко надъ землею, мѣстами чернѣется

свѣжая, вновь поднятая пашня, кое-гдѣ надъ нею копошатся пахари, а по дорогѣ, подгоняя Пестравку, ходко идутъ бабушка Фима съ названнымъ своимъ внукомъ Нафанкой.

— Здорово, бабушка! сказалъ пахарь, уставляя соху на новую борозду, — куда ты дурачка-то съ коровою гонишь?

— За дѣломъ идемъ, Митричь, — дастъ Богъ, свидимся! спѣшно отвѣтила старуха и пошла далѣе. Чѣмъ скорѣй идетъ старушка, тѣмъ скорѣй ей хочется поспѣть въ Боровскую выселку. — И что то тамъ дѣлается? думаетъ она; — осталась ли хоть одна живая душа! Такъ шли они часа два, и стали подходить къ темному сосновому бору, который тянулся на много верстъ. На нихъ пахнуло здоровымъ смолистымъ запахомъ; корова стала приставать, и старушка рѣшила тутъ въ бору отдохнуть и позавтракать.

Около Студеныхъ ключей не было ни сосень, ни елей, и потому Нафанка съ удивленіемъ осматривался, закидывая голову на высокія вершины краснолѣсья;

темныя, крѣпкія сосны стояли, какъ неподвижные столбы, островерхія ели красовались яркой зеленью, пышныя вѣтки ихъ, нанизанныя, какъ на подборъ, ровными кругами, все шире и шире спускались къ землѣ. Пословица правду говоритъ: лѣсъ такой, что шапка съ головы валится! а кабы не бабушка, то Нафанка вышелъ бы изъ бору съ непокрытой головой.

— Ты это что, паренекъ, поѣсть то поѣлъ, а Богу не помолишься? строго спросила бабушка внука, который опять было засмотрѣлся на ели.

— А, повторила она, — аль на Пестравку глядя, лба не крестишь? за то она и зовется скотиной, — ей Богъ не далъ ни смыслу, ни рукъ на это дѣло!

Мальчикъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ слушалъ бабушку, потомъ, помолчавъ, сказалъ:

— Боженьки нѣту—ти!

— Да нешто Боженька только въ избѣ въ божницѣ твоей? замѣтила старуха.

— Нѣ-ѣтъ; и у тебя, баушка, Боженька есть! усмѣхаясь отвѣчалъ мальчикъ.

Тихонько покачавъ на него головой, бабушка Фима сказала:

— Боженька, что стоитъ въ избѣ, въ образномъ углу, не Самъ Боженька, а поличье, образъ Его; — а самъ то Онъ живетъ на небѣ, вонъ гдѣ! прибавила она, указывая на небо.

Нафанка вскинулъ голову и долго бродилъ глазами по ясно голубому небу, но, не разсмотрѣвъ тамъ ничего, сказалъ, потряхивая головой:

— Нѣту Боженьки тамотко, нѣту!

— Вишь, что выдумалъ, Боженьку увидеть захотѣлъ! Да развѣ есть на свѣтѣ такой человѣкъ, чтобы Бога видѣть! Наткась, погляди-ка на солнышко! сказала она, живо поворачивая мальчика лицомъ къ солнцу.

Нафанка глянулъ во всѣ глаза, и вдругъ зажмурился; блестящее солнце ослѣпило его; — ему показалось, что свѣтлое солнечное ядро стало колыхаться и переливаться въ желто-зеленый цвѣтъ,

потомъ замелькали передъ нимъ зеленыя, черныя и красныя пятна, — а больше онъ ничего не видалъ. Нафанка долго теръ глаза, стоя на одномъ мѣстѣ, пока не успокоилось зрѣніе.

— Ну, что легко-ль тебѣ глядѣть на солнышко? спросила его бабушка.

Нафанка замоталъ головой и опять началъ протирать глаза.

— Ужъ коли намъ грѣшнымъ на Божье солнышко глядѣть не можно, то какже Самого-то Бога увидать! сказала старушка, крестясь и вздыхая.

Болѣе Нафанка ничего не спрашивалъ, а шель понуря голову; помолчавъ немного, старуха опять заговорила съ нимъ: — мы Бога не видимъ, а Онъ всѣхъ насъ видитъ!

Мальчикъ вопросительно взглянулъ на бабушку.

— Да, внукъ, Богъ далеко видитъ; — небо большое, съ неба Ему все видно и слышно, что на землѣ дѣлается! Вотъ и теперь Онъ видитъ, что мы съ тобой торопимся голоднымъ хлѣбца отнестъ.

Нафанка громко усмѣхнулся на эту рѣчь, и зашагалъ еще скорѣе. Онъ понималъ голодь, и потому, любилъ кормить животное; но ему еще не приходилось накормить челоѡка. Выслушавъ и понявъ бабушку Фиму, мальчикъ зародовался своею жалостливою радостью; идя путемъ—дорогой, онъ, нѣтъ нѣтъ, да и усмѣхнется тому, что будетъ съ бабушкой хлѣбомъ кормить голодныхъ.

— Малому—то моему, словно, радость какая, смѣхомъ отзывается! подумала старуха, глядя на мальчика, который шибко шель впередъ, ведя въ поводу Пестравку.

— Ты что, внукъ, чему смѣешься? спросила она.

— Чему? отозвался тотъ несвязной рѣчью, — хлѣбца дадимъ! потомъ добавилъ: — ѣсть хотять!

— Вишь! пробормотала про себя старушка; — а люди бають: дуракъ, несмысленный! Смыслить же, что надо накормить голоднаго, — вонъ каково зашагалъ! — впору за нимъ поспѣть!

проговорила богомолка, торопясь за мальчикомъ.

Шель, шель Нафанка, и вдругъ очутился на берегу широкаго ручья; а за ручьемъ, въ угорьѣ, прямо предъ путниками, показались зады крестьянскихъ дворовъ; всѣ избы новенькія, чистыя, рѣзныя, но смотрѣть на нихъ также тяжело, какъ на разукрашенные гробы; большая часть этихъ новыхъ избъ стоитъ съ заколочеными ставнями и припертыми дверьми, — это избы выморочныя, тамъ не осталось ни одного живаго человѣка!

— А есть ли кто живой, въ тѣхъ, гдѣ окна еще не заколочены? думаетъ богомолка, остановясь у ручья и задумчиво глядя на выморочную деревню.

— Баушка, а хлѣбца то! ѣсть хотятъ, крикнулъ мальчикъ, памятуя о голодныхъ.

— Было бы кому давать! тихо проговорила старуха, и, подобравъ подоль, повела корову въ бродъ...

Вдругъ, изъ-за раakitника, на берегу слышался оглушительный дѣтскій плачь, и въ ту же минуту изъ-за куста выбѣжала

цѣлая стая куръ, а передъ ними неся, съ коркой хлѣба въ клювъ, красно-огненный пѣтухъ; за ними, въ погоню, растопыря ручки, бѣжала трехлѣтняя дѣвочка; но куры уже далеко опередили ее, а она все еще гналась за ними; пѣтухъ перелетѣлъ черезъ плетень, за нимъ взлетѣли и перепрыгнули куры; малютка смѣтила, что не вернуть ей своей засушенки, и еще громче заревѣла.

— Нишни, нишни, умница! вотъ я те гостинца дамъ! сказала Фима, лаская дѣвочку, — что это никакъ тебя пѣтухъ разобидѣлъ? больно что ли клюнулъ онъ? — да не въ глазъ ли? дай-ка посмотрю, допрашивала старушка, отводя маленькіе кулачки отъ заплаканныхъ глазъ.

— Петька хлѣбецъ унесъ! съ плачемъ проговорила дѣвочка.

— Постой, вотъ мы его ужо! Дай-ка ей, Нафанушка, хлѣбца, да посоли его: — тебя, умница, какъ зовутъ? спросила старуха, опять обращаясь къ ребенку.

— Дочкой! отвѣчала дѣвочка, проворно хватая хлѣбъ, — къ мамѣ хочу! проговорила она, пятась отъ незнакомыхъ ей и бѣгомъ пустилась къ кусту.

Тамъ, въ полудремѣ, лежала слабая женщина.

— Здорово, сердечна! сказала ей Фима, — Богъ тебѣ милость свою шлетъ.

Больная отвѣчала слабымъ движеньемъ головы, и потомъ чуть слышно проговорила:

— Испить!

— Молочка, что ли, дать тебѣ? спросила Фима, и тотчасъ же вынула свою походную, точеную, расписную чашечку, надоила ее до краевъ и поднесла къ самому рту больной, которая съ жадностью выпила пѣнистое, теплое молоко, потомъ указала на дочь рукой и тихо промолвила: — Аннушкѣ! Аннушка, не отставая отъ чашки, выпила все до дна и присѣла подлѣ матери доѣдать свой хлѣбъ.

— Ну вотъ и слава Богу! двухъ напоили и накормили! проговорила Фима, поднимаясь на пригорокъ, — что-то впередъ будетъ!

Впереди у Фимы была семья: оправляющийся мужъ, ребенокъ лѣтъ осьми и жена въ самомъ разгарѣ болѣзни. Старушка распорядилась въ ихъ душной, зараженной избѣ по своему здравому смыслу: отворила настежь дверь и окно, затопила печь, вывела отца съ сыномъ на свѣжій воздухъ, напоила ихъ молокомъ и уложила на крылечко подъ навѣсомъ.

Нафанка во всемя была дѣятельнымъ ея помощникомъ; онъ топилъ печь, стлалъ для больныхъ сѣно, принесъ воды, нагребъ въ оврагѣ снѣгу, которымъ Фима обложила голову больной.

— Племяненка, а племяненка! раздался слабый голосъ у окна.

Фима выглянула и увидала на землѣ старика, который карабкался по заваленкѣ, чтобы подняться на ноги и заглянуть въ окно избы.

— Что, тебѣ кого, родимый? спросила Фима.

— Племяненку мою, Анну Петровну! — жива ли она, сердечная? спросилъ

да увидаль, что онъ изъ ея трубы идетъ, такъ—то обрадовался! да силой на четверенькахъ сюда приползъ; — ужь больно изморился; съ самой болѣзни крохи во рту не было, а наипуще того, испить хочется, еле—еле языкъ ворочается.

— А вотъ тотчасъ напоимъ и накормимъ! иди, Нафанушка, сказала Фима мальчику, — иди скорехонько — напой и накорми дѣдушку. Откуда у неповоротливаго мальчишки прыть взялась! въ одну минуту стояль онъ съ чашкой молока передъ больнымъ, и, осторожно присѣвъ къ нему, поиль, какъ маленькаго ребенка.

— Ну, вотъ и отвели душеньку, сказалъ старикъ крестясь, — спасибо тебѣ умникъ!

Въ первый разъ въ жизни мальчика назвали умникомъ!

Замѣтивъ, что слабый старикъ располагается улечься тутъ—же, у самой заваленки, Нафанка вспомнилъ, что бабушка подстилала больнымъ сѣно, и, зная гдѣ сѣноваль, проворно побѣжалъ,

притащилъ огромную охабку и бросилъ старику.

— Теперь и я скажу, что умникъ! сказала Фима, любуясь на то, какъ названный внукъ ея укладывалъ больнаго.

Да и кто же бы не сказалъ о заботливомъ, добромъ мальчикѣ, что онъ, какъ умникъ, дѣлалъ свое дѣло?

Успокоенный старикъ растянулся на сѣнѣ, и просилъ только богомолку накормить его внуку Параню, — да еще, кажись, промолвилъ онъ, — въ сосѣдней избѣ ревѣлъ ребенокъ.

— Ну, Нафанушка, пойдѣмъ искать Параню, а ты, Пестравушка матушка, не скупись, сдавай молочко все до капельки! приговаривала богомолка, похлопывая свою коровушку, и въ третій разъ садясь подъ нее.

Подойвъ, вышла она съ мальчикомъ на улицу; первая въ ряду изба стоитъ заколочена, и вторая заколочена и третья также.

— Господи Боже, крѣпко наказываешь Ты! съ сердечнымъ горемъ сказала Фима,

но тотчасъ же прибавила: — Ты караешь и милуешь, Господи, да будетъ воля Твоя святая! Наконецъ, добралась она до Парани, десятилѣтней дѣвочки, внуки Терентьича, которая крѣпко спала; мелкія, свѣтлыя капли пота выступили на лбу и надъ верхней губой, но по спокойному выраженію лица видно было, что опасность уже миновала и дѣвочка выздоравливаетъ.

Богомолка нагнулась, обтерла тихонько потъ, отворила, для воздуха, то окно, изъ котораго не могло дуть на больную, заставила Нафанку затопить печь, отлила въ посудку молока и наказала внуку напоить дѣвочку, когда та проснется, а сама пошла отыскивать покинутого ребенка, о которомъ упомянулъ Терентьичъ.

Только-что старуха вышла за ворота, какъ услышала громкій, сердитый дѣтскій плачь. Въ сосѣдней избѣ, на порогъ, у крѣпко захлопнутой двери сидѣлъ семилѣтній мальчикъ и, закинувъ голову назадъ, ревѣлъ изо всей силы и билъ кулаками въ дверь, которую давно пытался отворить и никакъ не могъ; вдругъ дверь

пошатнулась и отворилась настезь, — за порогомъ стояла худенькая старушка съ чашкою молока и кускомъ хлѣба; ребенокъ замолчалъ и, не шевелясь, смотрѣлъ на нее.

Присѣвъ на порогъ, Фима ласково спросила:

— Чего тебѣ, аль питиньки хочется?

— Попить! всхлипывая сказалъ ребенокъ и потянулся къ чашкѣ молока.

Онъ пилъ, какъ теленокъ, въ припадку, и напился, что называется до отвалу; потомъ, взялъ круто насоленный хлѣбъ и принялся за него. Казалось, ребенокъ не былъ боленъ, а только голодалъ въ забросѣ; онъ былъ такъ выпачканъ, такъ грязень, что богомолка рѣшила его тотчасъ же умыть и переодѣть; она вывела мальчика изъ душной избы на крылечко и велѣла ему тутъ посидѣть и обождать, а сама пошла искать ему рубашенку.

— Эй, паренекъ! закричала она ему, — не знаю, какъ тебя звать?

— Ванюшка бурлакъ! отозвался мальчикъ.

— Ну, подь сюда, Ванюшка, укажи, гдѣ твое добро?

— Не хочу! глухо отвѣчалъ онъ, набивая ротъ хлѣбомъ.

Видно не хотѣлось мальчику возвращаться въ душную избу, гдѣ сидѣлъ онъ такъ долго взаперти.

— Прямой же ты бурлакъ! проворчала Фима и пошла въ избу.

Тамъ, нечаянно, въ заднемъ углу, за ворохомъ всякаго хлама, наткнулась она на больную дѣвушку, которая, повидимому, въ первый разъ пришла въ себя и, тихонько осматриваясь, старалась сообразить: гдѣ она?

— Господь тебѣ здоровья прислалъ! сказала ей привѣтливо богомолка.

Дѣвушка взглянула на нее и, немного погодя, зашевелила губами; Фима догадалась, что у больной пересохло во рту и что надо ее напоить; поискала кругомъ воды, — нѣту! — не осталось ли отъ Ванюшки молока? думаетъ она, ища чашку, — ну вотъ, слава Богу, нашла! ужь хоть подоночками напою ее, говоритъ

богомолка, капая съ ложки въ ротъ больной. Проглотивъ ложки три, дѣвушка закрыла глаза, а свѣжій теплый воздухъ изъ окна скоро усыпиль ее. И здѣсь старушка затопила печку, съ трудомъ перемѣнила на упрямомъ Ванюшкѣ грязное и такое гадкое бѣлье, что тутъ же, не медля ни минуты, бросила его въ печь.

— Ну, хочешь коконьку, яичка? такъ пойдѣмъ со мной! сказала она мальчику, и пошла въ ту избу, гдѣ оставила Нафанку; тамъ Параня уже проснулась и сидѣла на лавкѣ, спустивъ ноги, а Нафанка стоялъ передъ ней, держа чашку съ молокомъ; завидевъ старуху, мальчикъ радостно закричалъ:

— Баушка, она пѣтъ!

— Ну, и слава Богу, пусть пѣтъ во здравіе! сказала богомолка.

Всѣ выздоравливающіе помѣстились съ богомолкой въ одномъ сараѣ. Забившись съ головой въ кучу сѣна, Нафанка долго лежалъ и что-то думалъ.

— Баушка! крикнулъ онъ надумавшись: — а Боженькѣ-то меня не

видать! сказавъ это, мальчикъ еще глубже зарылся въ свою кучу.

Оглядѣвшись кругомъ, богомолка замѣтила, что мальчикъ копошится въ сѣнѣ.

— Ну, парень, догадливъ ты, какъ я посмотрю! вишь что выдумалъ: въ сѣно зарююсь, такъ Богъ меня не увидитъ! Да ты хоть червемъ въ землю уйди, такъ и тамъ увидитъ! и все, что сдѣлаешь, и все что задумаешь — все узнаетъ; еще слово съ языка не поспѣетъ сойдти, а Богъ уже знаетъ, что ты скажешь! — Да, вотъ что! А ты у меня, внукъ, смотри, этой блажи въ голову не забирай! разгорячась, заговорила старуха: — Богъ тебя не видитъ! — да, безмысленный ты, кабы Богъ-то не смотрѣлъ на тебя, да не печаловался, такъ давно бы тетка до смерти забила, а не то мальчишки собаками затравили бы, — вотъ что! Ты сирота убогій, а сиротамъ Боженька Самъ замѣсто отца-матери, и долженъ ты Ему во всякъ день, и утромъ вставая, и вечеромъ ложась, молиться, да помнить, что Онъ тебя и видитъ, и

слышать, и въ обиду не дастъ, коли Его только слушаться станешь, — и не дастъ тебя въ обиду ни человѣку, ни звѣрю! умные люди бають: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ!

Такими-то горячими словами высказывалось ретивое сердце богомолки; слушая ее, Терентьичъ вздыхалъ, а послѣднимъ словамъ ея: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ, — даже поддакнулъ. Нафанка сильно оробѣлъ; сначала онъ однимъ только чувствомъ понялъ негодованье бабушки, потомъ его потревожила мысль о теткинѣхъ побояхъ и о ребятишкахъ, онъ всхлипнулъ разъ другой, — но такъ какъ головѣ его тяжело давалась продолжительная мысль, то печальная картина побоевъ мелькнула и скрылась: — мальчику показалось душно лежать ничкомъ въ снѣ, онъ выкарабкался изъ него, и легъ навзничь; свѣжій воздухъ вѣялъ въ отворенную дверь, темное небо свѣтило блестящими звѣздами, — хорошо было Нафанкѣ лежать на мягкомъ снѣ и блуждать глазами по небу. Небо сине,

звѣзды блещутъ, а солнышка не видать, — стало быть ночь пришла, можетъ и у Боженьки ночь?..

— Баушка! крикнулъ онъ вдругъ.

Старуха, оторопѣвъ, вскочила и стала креститься.

— Господи Иисусе! Нафанка, что те попритчилось что ли что?

— Баушка, у Боженьки ночь? отрывисто переспросилъ мальчикъ, — солнышка нѣтути?

— Ну, нѣтути солнышка, такъ и нѣту, значить, спи! — словно блажной какой рявкнулъ! проворчала сонная старуха и, крестясь, повернулась на другой бокъ.

Болѣзнь и усталость угомонили всѣхъ, Нафанка все еще блуждалъ глазами по небу; его оборванные, коротенькія мысли мелькали и бродили въ пустотѣ и неустройствѣ неразвитаго смысла; наконецъ и онъ захрапѣлъ.

Въ воздухѣ посвѣжѣло, звѣзды стали меркнуть, темная ночь стѣснилась утренними сумерками; въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Боровскихъ—Выселокъ

показались два усталыхъ человѣка: одинъ былъ молодой крестьянинъ, зажившійся въ Москвѣ на заработкахъ, а къ веснѣ попавшій въ больницу, другой — отставной матросъ; оба они сошлись гдѣ-то за Москвой, и пошли вмѣстѣ, потому что у обоихъ семьи были въ Выселкахъ.

— И что это за диво, Кузьмичъ, — думаю-то такъ бы и летѣлъ, а ноги словно чужія: — не идутъ! сказалъ Осипъ, молодой крестьянинъ, который, почти не отдыхая, шелъ на свою сторону.

Кузьмичъ не отвѣчалъ, но, пройдя съ четверть версты, вдругъ остановился, и, спуская свою котомку съ плечъ, сказалъ:

— Ты, братъ, иди; тебѣ есть къ кому торопиться, у тебя хозяйка отдохнула, можетъ статья уже на ногахъ, а мнѣ что, куда торопиться? въ вымороченную-то избу, еще успѣю придти! Говоря это, онъ мрачно опустилсѣ на землю.

— Эхъ, дядя, сказалъ Осипъ, — далеко ль теперь? вонъ ужъ и боръ чернѣетъ; вставай, пойдѣмъ, пра пойдѣмъ! къ утру, какъ разъ, тамъ будемъ!

— Чего мнѣ идти, запертой избѣ поклониться что-ли! угрюмо отвѣтилъ старикъ.

— Эхъ, дядя, неладно говоришь! промолвилъ Осипъ, видимо порываясь впередъ.

— Иди себѣ, знай иди, добрый человѣкъ, пошли тебѣ Господи встрѣчу радостную, печально крестясь, сказалъ старикъ.

Покачивая головой на Кузьмича, Осипъ пошелъ впередъ, но, отойдя нѣсколько, въ раздумьи остановился, — ему стало жаль покинуть старика.

— Эй, дядя! крикнуй онъ ему, — да вставай что-ли, вонъ никакъ и Выселки виднѣются? пойдѣмъ, сидѣть-то такъ чего высидишь, говорилъ мужичекъ, воротясь и припадая къ старику; Даруша твоя, бають, одна въ избѣ оставалась, чай во рту все пересохло и душеньку-то отвести, напоить некому, а ты тутъ проклаждаешься! пойдѣмъ, дядя, пра пойдѣмъ, ужъ тамъ что будетъ, отъ воли Божьей не схоронишься! ты на вѣку своемъ чай не разъ помираль, да Господь же миловаль!

Смигнувъ двѣ, три слезы, Кузьмичъ нехотя всталъ и побрель, Осипъ не переставаль его утѣшать разсказами о Дарушѣ: какая она смиренница, да какая работающая да послушменная. Утѣшное слово хоть и не величко, да споро, оно смягчило гнетучее горе старика, пробудило въ немъ надежду и покорность; къ восходу солнца, оба путника, робко крестясь, подходили къ своей деревнѣ.

Хотя лѣтняя ночь и коротка, но человѣку, не привыкшему къ нѣгѣ, достаточно проспять часовъ шесть или

семь, чтобы свѣжо встать и бодро приняться за дѣло; проснулась богомолка наша, осмотрѣла больныхъ вокругъ себя, заглянула въ избу, гдѣ лежала больная хозяйка, которая все еще не пришла въ себя, набитый снѣгомъ платокъ высохъ и съѣхалъ съ темени на лицо больной. Фима сбросила его, притащила нѣсколько охабокъ сѣна, постлала его подлѣ лавки, перетащила кое-какъ больную бабу на сѣно, а негодную грязную подстилку бросила въ печь, которую тутъ же затопила: старуха слыхала, что въ большей части болѣзней, необходима чистота и свѣжій воздухъ. Набивъ платокъ снѣгомъ, она опять обвязала имъ голову и пошла по воду; тамъ на ручьѣ умылась, но, зачерпнувъ воды, остановилась посмотреть на Божій свѣтъ: солнышко всходило, кругомъ вѣяло свѣжестью и прохладой, проснулись и защebetали птицы въ лѣсу; гдѣ-то вдали на рѣкѣ, откликнулись гуси, заржала сбѣжавшая безъ хозяевъ лошадь, ей откликнулся жеребеночекъ; второпяхъ и

какъ будто испугавшись того, что проспаль, запѣлъ пѣтухъ, похлопывая крыльями.

— Ишь, проговорила Фима, — всякая-то тварь по своему воздаеть хвалу Богу! Что, Пестравушка? аль доить пора, отозвалась она замычавшей Пестравкѣ, — дай срокъ, кормилица, и сегодня, по вчерашнему, раза четыре покучусь тебѣ.

На Фиминомъ становищѣ, т. е. на ея пристанищѣ, въ сараѣ, на сѣнѣ зашевелились больные.

— Наткась, Нафанушка, напой поди Терентьича, да Параня не хочеть-ли испить? сказала богомолка, вручая мальчику чашку парного молока.

Нафанка бросился со всѣхъ ногъ, схватилъ чашку и бережно понесъ въ сарай, но вкусный, теплый запахъ пѣнистаго молока соблазнилъ мальчика, и онъ жадно припаль къ чашкѣ.

— Внукъ, а внукъ, это ты что? я те говорю, дѣдушку напой, а ты самъ, словно годовалый телокъ, дорвался до молока! нешто такъ за больными ходять? нешто такъ Богу служить? — Нѣтъ, другъ,

говорила богомолка, строго подступая къ Нафанкѣ, — ты себя долженъ обнести, а ужь больнаго да убогаго накорми! такъ Боженька велить, а Его, Царя небеснаго, надо слушать, Онъ за тѣмъ и на землю смотреть, чтобы мы Его волю творили!

Мальчикъ опять робко глянулъ на небо, потомъ на бабушку, которая, важно стоя передъ нимъ, приглаживала ему волосы худощавымъ пальцемъ. Нафанка, опустивъ глаза въ землю, робко и печально стоялъ передъ богомолкой, онъ не понялъ всѣхъ словъ, сказанныхъ ему, но чувствовалъ сердцемъ, что провинился.

— Неча тебѣ лицомъ никнуть, ты не съ умысла, а съ худаго разума своего дѣдушку обнесъ, такъ ли? сказала Фима, ласково приподнимая голову мальчика, — вѣдь ты напредки станешь о больномъ да голодномъ впередъ себя печаловаться, а? Сперва имъ послужи, Нафанушка, а тамъ уже послѣ и самъ поѣшь! Ладно что-ли?

Трудновато было Нафанкѣ понять то, о чемъ говорила бабушка; но, сообразивъ наконецъ, онъ, какъ изъ пушки,

выпалиль: — ладно! и бережно неся чашку, зашагаль къ Терентьичу.

— Охъ, кормилецъ, золотой ты мой, заговориль старикъ, торопливо протягивая дрожашія руки къ молоку.

Нафанка поднесъ ему чашку къ самому рту и радовался, глядя, какъ убывало молоко; онъ даже раза два громко не то усмѣхнулся, не то воскликнулъ; также радостно напоиль и Параню.

— Ну вотъ и дѣло сдѣлалъ, сказала старушка внуку, — теперъ наша очередь хлебать молоко, такъ что—ли, внукъ? спросила она.

Нафанка мотнулъ головой, засмѣялся, и повториль бабушкино слово: — такъ!

Фима покрошила хлѣба, налила молока въ уровень съ краями, и присѣла съ Нафанкой за ѣду.

— Вотъ такъ—то, Нафанушка, говорила она, похлопывая мальчика по плечу, — больныхъ накормиль, теперъ ѣшь самъ въ волюшку! а послѣ, пойдемъ отнесемъ молочка Аннѣ съ дочкой, да зайдемъ къ

Дарушѣ, ее напоимъ, а бурлака уведемъ съ собой, какъ бы одинъ онъ не наблажилъ!

Какова же была старухина радость, когда она въ обѣихъ избахъ застала неожиданныхъ гостей.

— А я-то вечеръ горевала, что не справиться мнѣ одной! анъ вотъ и помощнички приспѣли, да еще кровные! Вотъ тебѣ, доченька, бери ее съ рукъ на руки, на радость, да на утѣху себѣ, говорила Фима Кузьмичу, который плакалъ и смѣялся; онъ теперь даже болѣе радовался дочери, чѣмъ когда она родилась у него.

— Не знаю, какъ тебя бабушка звать, величать, говорилъ старый матросъ, кланяясь въ ноги богомолкѣ, — а ужъ за твое неоставленіе станемъ тебя почитать, замѣсто матери родной.

— Не на чѣмъ, родимый, смиренно отвѣчала Фима, — Богу спасибо, а не мнѣ! А вотъ что, сказала старушка, усаживаясь къ Дарушѣ на сѣно, — видно ужъ это на твои руки Господь покинулъ племянника; онъ теперь круглый сирота, и ужъ

озорникъ—то какой, и батюшки свѣты! какъ у меня ночью изъ—за него сердце щемило! изъ ума не выходило: какъ бы не наблажилъ чего бурлакъ да не испужалъ Даруши; она же только—что въ себя приходитъ стала. Думала перетащить ее къ себѣ, ну, неподъ силу, — изба далека; — хотѣла его, озорника, къ себѣ взять, да также раздумала: какъ, моль, Дарушу одну покинуть? Ну и нарубила же я ему на носъ: — коли да ты у меня нашалишь, такъ стану тебя сѣчь до кровавой лозы! Видно малый испугался прута, присмирѣлъ. — Учи его, родимый, не жалѣючи, учи его уму—разуму, пока поперекъ лавки лежитъ; а коли во всю растянется, такъ не совладаешь. — Учи, чтобъ Бога боялся да людей стыдился, онъ парнишка острый, можетъ, коли къ добрымъ рукамъ придется, такъ человѣкомъ будетъ! А ужъ какъ надоѣлъ онъ мнѣ въ одночасѣ! хуже горькой рѣдьки! не знаешь, за больными ли ходить, не знаешь, его бурлака стеречь! такъ вѣдь и норовитъ изъ—за угла въ кого камнемъ швырнуть! Вотъ у меня внукъ,

сказала Фима, кивнувъ головой на Нафанку, — вѣдь убоженькой, нечего грѣха таить, безъ спотычки пяти пальцевъ не перечтеть; пригрозилъ ему въ чемъ, вѣдь ни за что не ослушается, да и работать гораздъ! А балованные—то всѣ до единого неслухи, даромъ, что иной съизмала за умника слыветъ, а какъ подростетъ, либо сорванцомъ, либо олухомъ очутится, а все отчего? оттого, что некому умнаго слова сказать, доброму дѣлу научить. Э, хе, хе! вздохнула старушка, — и все то это нами ведется; — какъ заквасишь, такъ и вскиснетъ!

Недѣли черезъ двѣ пришла Василиса провѣдать нашу старушку, и не могла нарадоваться на выздоравливающихъ, около которыхъ суетилась богомолка.

— Ты мнѣ вотъ что, Фимушка, скажи, — что это съ Нафанкой случилось? али ты и его чѣмъ полѣчила?

— А что? спросила Фима.

— Какъ что! да его теперь не признаешь; и глаза у него не бѣгаютъ, и глядитъ на тебя смышлено; коли что спросишь, въ

толкъ возьметъ и отвѣтъ дать; ну, какъ есть чловѣчнѣ сталь! закончила Василиса.

На это замѣчанье, богомолка радостно вздохнула.

Въ трудѣ, въ заботѣ за больными, а главное, въ тиши подѣ надзоромъ ласковой, разумной старухи, Нафанка отдохнулъ, сталь вслушиваться, вникать и исполнять то, чего отъ него требовали. Слова больныхъ были просты, рѣчи коротки; онъ легко понималъ ихъ и охотно исполнялъ требованія, за что его полюбили, и никому въ голову не приходило, что еще этой зимой дурачка Нафанку ребяташки травили собаками. Въ настоящую пору дурачекъ не былъ глупѣ своей сверстницы Парани, которая послѣ горячки плохо соображала; да наконецъ неизвѣстно, родился ли онъ дурачкомъ или только по несчастнымъ обстоятельствамъ сдѣлался такимъ? Часто сходились ребяташки у ручья, садились подѣ деревьями, и у нихъ заводились межъ собой немногосложныя бесѣды.

— Нафаня, видишь ты дятла? спрашиваетъ разъ Параня.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ; — а гдѣ?

— Вонъ на березѣ, говоритъ Параня, указывая на высокое дерево, — видишь, вонъ пестрая птичка ползаетъ, видишь красная грудь, а по всей черныя и бѣлыя пятна, слышишь, какъ она стучитъ, — это дятель дерево долбитъ.

Нафанка посмотрѣлъ на березу, наглядѣлъ на ней чубараго дятла, и сказалъ: — вижу!

— А вонъ двѣ, четыре, много, много бабочекъ! вскричала Параня, указывая на налетѣвшихъ бабочекъ.

Мальчикъ поднялъ голову и смотрѣлъ, какъ цѣлая вереница кружилась и моталась вверхъ и внизъ. Глядя на бабочекъ, Нафанка вспомнилъ, что гдѣ-то видѣлъ точно такой же веселый цвѣтъ, но не могъ припомнить, гдѣ именно и когда. Вдругъ, пришли ему въ голову тѣ яички, что дала ему Василиса, и онъ радостно закричалъ: — «Желтенькія... желтенькія бабочки!» добавилъ потомъ.

— Да, это желтенькія, а бываютъ и красненькія и всякія бываютъ, прибавила Параня; — а тебѣ какія больше любви, — красныя аль желтыя?

— И красныя, и желтыя, отвѣчалъ онъ, думая и о бабочкахъ и о красныхъ и желтыхъ яичкахъ.

— Батюшки свѣты, ужь у насъ малый и цвѣта разбираетъ! сказала тетка Василиса, подходя къ дѣтямъ. — Чего это красныя и желтыя; про что вы говорите? спросила она, дружески поталкивая ребятишекъ.

Мальчикъ осмотрѣлся кругомъ; бабочки, какъ горсть сухихъ листьевъ, носились надъ ними, то туда, то сюда; онъ взглянулъ на нихъ и сказалъ Василисѣ: — Желтенькія бабочки!

— Вишь ты! чудясь проговорила старуха.

— Бабушка, погляди на дятла, просила Параня, указывая на красивую птичку, которая, какъ матросъ, лазила по дереву, постукивая клювомъ.

— Вотъ, сказала старуха, — нейдетъ же ему долбить даромъ, что вечеръ зарекался.

— Зарекался? въ недоумѣнни спросила дѣвочка.

— Вѣстимо, что зарекался! Вѣдь, вамъ, ребятамъ и не въ домекъ, что дятель межъ птицей плотникомъ зовется, и весь день дерево долбитъ; къ вечеру головушка у него разболится, вотъ онъ и ну зарекаться: завтра де ни за что не стану долбить! а завтра придетъ, послушаешь, онъ уже давно постукиваетъ, да поколачиваетъ, а вечеромъ опять головушку разломить, — и онъ на себя съизнова зарокъ кладетъ: не стану попусту дерева долбить и головушки надсаживать! — ночь переспить и зарокъ позабудетъ.

— Позабудетъ, повторила Параня, слѣдя усталымъ взглядомъ за красивой птичкой.

Больные крѣпли тѣломъ и духомъ, понемногу развивался съ ними и Нафанка; чего не доставало у него въ смыслѣ, то съ избыткомъ замѣняло послушаніе и добрая воля.

Разъ, сидятъ всѣ съ бабушкой Фимой въ сборѣ, и видитъ богомолка, что подѣзжаетъ знакомая ей крашенная

поповская тележка, а въ ней сидить дьяконовъ работникъ, который, завидя старушку, остановилъ лошадь, и, соскочивъ съ телеги, подошелъ чуть не съ земнымъ поклономъ, говоря: — «Отець дьяконъ приказаль тебѣ, бабушка, кланяться; приказаль сказать, заставь за себя вѣковѣчно Бога молить, не покинь его съ сиротами!»

— Ахъ, Царь небесный! вскричали Фима съ Василисой, всплеснувъ руками, — развѣ Анна Савишна покончилась?

Приказала долго жить! отвѣчаль посланный крестясь.

Всѣ перекрестились и пожелали отшедшей царствія небеснаго.

— Вчера мы похоронили покойницу. Что реву то, реву—то что было, вѣдь дѣти все малъ—мала меньше, да и дьяконъ.... тутъ работникъ махнулъ рукой и ужь не сталъ говорить о горѣ своего хозяина. Всѣ принялись жалѣть, толковать о бѣдѣ, а бабушка Фима смолкла и пригорюнилась.

— Такъ что же, Афимья Николаевна, поѣдешь что ли? спросилъ пріѣхавшій.

— Вѣстимо поѣду, грустно отозвалась старушка: — какъ покинуть сиротъ!

— Не ѣзди! Мы не отпустимъ! Аль у васъ, кромѣ нашей бабушки, старухъ на деревнѣ не стало? заговорили въ голосъ Боровскіе.

— Какъ старухамъ не быть, потупясь сказалъ работникъ, — старухъ не мало, да супроть Афимьи Николавны, не то что у насъ, а чай, и на тысячу версть такой другой не найдется.

— Не ѣзди, бабушка, убѣдительно просиль Терентьичъ, — ты насъ жить заставила; не ѣзди, не покидай насъ, мы всѣ тебя за мать родительницу почитаемъ, — живи у насъ, мы тебя на рукахъ носить станемъ, а Нафана отдай мнѣ замѣсто сына, у меня только и будетъ что онъ да Параня, я имъ все послѣ себя оставлю.

— Спасибо, Терентьичъ, спасибо за ласковое слово; только мнѣ не приходится покидать сиротъ; — мы уже такъ и съ покойницей положили: коли что, такъ я тотчасъ перейду къ дьякону и стану по

мѣрѣ силъ, трудиться; — грѣхъ на мнѣ будетъ, если не сдѣлаю такъ! а вы, слава Богу, почитай совсѣмъ здоровы, что же мнѣ попусту болтаться здѣсь?

— Ну коли уже слово дала покойницѣ, такъ тутъ нечего растарабаровать; — поѣзжай съ Богомъ, а Нафанушку отдай мнѣ, сказалъ Терентьичъ.

— Что же, сказала бабушка Фима, — коли дядя согласится, такъ бери, а онъ, я чай, за малаго не постоитъ, коли ты на себя возмешь повинности, да отцовскихъ коробовъ съ него требовать не станешь.

Ударили по рукамъ, не спросивъ Нафанки, а тотъ, какъ разузналъ въ чемъ дѣло, бросился съ громкимъ ревомъ къ бабушкѣ и повисъ на ней; старуха и туда и сюда, и такъ и сякъ уговариваетъ его, — ничто не беретъ!

— Фу, ты глупый, да какъ мнѣ тебя съ собою взять, вѣдь тамъ тебя ребята собаками зауськуютъ! а тетка то? — аль тетку позабылъ? Вѣдь я не на все ухожу, до зимы провѣдаю, а зимой ты съ Терентьичемъ пріѣдешь ко мнѣ въ гости.

Такъ что ли, Терентьичъ, ладно я говорю? спросила старушка.

— Ладно, ладно, отвѣчалъ тотъ, — къ зимѣ же я малому красную рубашку, полушубокъ съ пестрымъ кушакомъ да теплую шапку справлю, обряжу на славу, такъ что и ты не признаешь его.

— Слышишь, внукъ? спросила старушка. Мальчикъ молча всхлипывалъ.

Стемнѣло, всѣ пошли ужинать. Нафанка зарылся въ сѣно и неутѣшно плакалъ; народъ полегъ спать, а Нафанка все всхлипываетъ; прилегла къ нему Фима, и долго что-то говорила: про ребятъ, про собакъ, про злую тетку, про дьяконовыхъ сиротокъ, про то, что Боженькѣ надо, чтобъ она уѣхала къ сиротамъ; многое еще говорила богомолка, пока не утомонился ребенокъ, тогда и она заснула; встала же, пока всѣ спали, разбудила работника, велѣла тихонько собираться, поставила ведерко съ молокомъ подлѣ Нафанки, перекрестила своего воспитанника, поклонилась спящимъ и, вытирая горячую

слезу, вышла не оглядываясь на покидаемого ею мальчика.

— Видно такъ Богу угодно! думала она, — здѣсь, по крайности, человѣкомъ будетъ!

Привязавъ корову позади телеги, путники тихохонько съѣхали со двора. Долго еще Фима, оборотясь, глядѣла на Выселки; ей все чудилось, что вотъ изъ крайней избы выбѣжитъ въ погоню за ней названный внукъ ея, но, къ счастью, внукъ спалъ, а они въѣхали въ лѣсъ и Выселки скрылись. Лежа на сѣнѣ и глядя на утреннее небо, старушка вспомнила о своихъ богомольяхъ, ей опять всгрустнулось: что-то теперь товарки подѣлываютъ? пошла ли Домна Ивановна? что-то Лукьяновна? чай, не жалѣючи себя, спѣшатъ къ празднику! и гдѣ-то идутъ онѣ теперича, утреннюю ли росу съ травы сбиваютъ, или изъ бѣлыхъ сыпучихъ песковъ ноженьку за ноженькой вытаскиваютъ! а я-то грѣшная, лежу развалившись въ телегѣ!

— О, о, хо, хо! грустно вздохнула старуха; ее все еще по временамъ смущала мысль: не грѣшить ли она, что промѣняла странническую жизнь на полезную, дѣятельную?

— Бабушка Афимья Николавна, сказалъ работникъ, а ужь отецъ дьяконъ и не чаялъ тебя! Ладно мы съ тобой сдѣлали, что чѣмъ свѣтъ уѣхали, а то, пожалуй, Боровскіе то и не выпустили бы насъ; — ужь больно ты имъ люба стала! Сказываютъ, безъ тебя бы всѣ какъ есть перемерли. Не чаялъ отецъ дьяконъ добыть тебя изъ Выселокъ, а ужь какъ Анна Савишна ему про тебя наказывала!

При имени новопреставленной, оба со вздохомъ перекрестились.

Старушка, лежа на мягкой травѣ, стала припоминать жизнь свою въ дьяконовомъ домѣ и послѣднее дружеское прощанье съ больной хозяйкой; слеза за слезой катились по блѣдному лицу богомолки; въ мысляхъ ея мелькало доброе, терпѣливое лицо Анны Савишны и толпа сиротокъ, которые ждутъ не дождутся бабушки Фимы.

При мысли о предстоящемъ ей трудѣ, богомолка бодро сѣла въ телегѣ и стала обдумывать, какъ устроится, какъ большенькихъ дѣвочекъ возьметъ себѣ въ сподручницы, среднюю приставитъ въ няньки къ меньшимъ, а о старшемъ мальчикѣ она знала, что его осенью отдадутъ въ семинарію.

Сиротки уже давно ждали ее, сидя на заваленкѣ, и какъ только завидѣли свою лошадь, такъ съ крикомъ бросились на встрѣчу.

— Бабушка, золотенькая, не покинь насъ, сиротъ! причитали старшія дѣвочки, плача и цѣлуясь съ Фимой; меньшія, глядя на старшихъ, также ревѣли, цѣпляясь за нее.

Сердце богомолки дрогнуло такъ, какъ никогда, ни въ какомъ богомольи.

— Господи Іисусе Христе! прошептала она, глядя заплаканными глазами на небо, — не покинь сиротъ, научи меня грѣшную, умудри ради ихъ!

Радужно вошла богомолка въ осиротѣлый домикъ, принялась за

хозяйскую работу, и, мало-помалу, порядокъ и душевное спокойствіе воротились въ семью; дѣти въ ней души не слышали, а дьяконъ уважалъ какъ мать.

Зимой, объ Рождествѣ, бабушкѣ Фимѣ была большая радость; Терентьичъ привезъ повидаться съ нею Нафанку. Никто на селѣ, даже сама старушка не признала въ краснощекомъ, нарядномъ, смышленномъ мальчикѣ забитаго сироту.

Довольна ли богомолка Фима сама собой? того никто не слыхалъ, — но люди, чудясь на нее, поговариваютъ:

— Чего, чего не передѣлала бабушка! и дурачка человѣкомъ сдѣлала, и Боровскихъ выходила, дьяконовымъ сиротамъ замѣсто матери стала, и все-то это въ одинъ годъ случилось!

Видно, она отъ чистаго сердца Богу трудится!

В. ДАЛЬ